

П. Н. Милюков

**Три попытки (К истории
русского лже-
конституционализма)**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П. Н. Милюков**
Три попытки (К истории русского лже-конституционализма) / П. Н. Милюков –
М.: Книга по Требованию, 2013. – 38 с.

ISBN 978-5-4241-3152-3

П. Н. Милюков - один из видных общественных деятелей предреволюционной России и идеологических вождей эмиграции. Он был не только лидером кадетской партии, министром иностранных дел Временного правительства, одним из вдохновителей белого движения, но и ученым-историком, публицистом, редактором ряда газет.

ISBN 978-5-4241-3152-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013
© П. Н. Милюков, 2013

Милюков Павел Николаевич
Три попытки (К истории
русского лже-
конституционализма)

П. Н. МИЛЮКОВ

Три попытки

(К истории русского лже-конституционализма)

ОТ АВТОРА.

В печати недавно появились обширные отрывки из записок Д. Н. Шипова, освещающие его роль в трех интереснейших эпизодах истории нашего псевдо-конституционализма. Речь идет о трех попытках примирить власть с обществом путем создания министерства с участием общественных деятелей. В этих попытках пришлось и мне сыграть некоторую роль. Воспоминания Д. Н. Шипова пробудили мои собственные, и мне хочется к его свидетельству прибавить мой комментарий. Я думаю, это всего лучше будет сделать попутно, следя за изложением Д. Н. Шипова и сопровождая его моими пояснениями.

Я не хочу предсказывать тот вывод, который должен получиться из этого сопоставления. Д. Н. Шипов и я - мы представляли два разные, порою враждебные, течения общественного мнения. Но мы стояли бесконечно ближе друг к другу, чем к служителям старого самодержавия. Для Витте, особенно для Столыпина Шипов был, разумеется, гораздо более свой человек, чем я: свой по социальной среде, по предыдущей общественной деятельности, по личным связям. Но Шипов, при всех его славянофильско-монархических склонностях, был настоящим представителем русской общественности и, как таковой, был, вместе со мной, "по сю сторону баррикады".

По ту сторону начиналась бюрократия, образовавшая "средостение" между царем и народом. Шипов знал это "средостение" лучше, чем я, его отталкивание от него было органическое, вынесенное из опыта. В этом запас опыта, земского и служебного, он черпал ту твердость и последовательность поведения, которой не могли бы ему дать его политические убеждения.

Наблюдения с двух точек зрения сообщают наблюдаемому предмету рельефность. Игра представителей старой бюрократии с представителями общественности не всегда находит в Шипове достаточно пронизательного и скептического наблюдателя. Проверка этих наблюдений с несколько иного наблюдательного пункта может их не только исправить и дополнить, но и дать им их настоящую цену.

(ldn-knigi.narod.ru - В конце книги дополнительно (биографии):

Муромцев Сергей Андреевич; Львов, Николай Николаевич; Гейден, Петр Александрович; Шипов, Дмитрий Николаевич)

{7}

ПЕРВЫЙ ОПЫТ МИНИСТЕРСТВА ДОВЕРИЯ.

Гр. С. Ю. Витте, после издания манифеста 17 октября, попытался составить, впервые в русской истории, кабинет общественных деятелей. Но слово "конституция" было тогда строго запрещено свыше, и гр. Витте пытался найти людей, которые, подобно ему, были бы убежденными противниками конституции и - тем не менее - помогли бы ему привлечь на свою сторону общественное мнение.

Задача была - уже тогда - совершенно непосильная и утопическая. Гр. Витте не знал русской общественности и шел к ней ощупью. И первый опыт так подобиет букет русских общественных деятелей, чтобы удовлетворить одних и обмануть других, - закончился плачевной неудачей. Д. Н. Шипов рассказывает с подробностями, публикуемыми впервые, историю этой первой неудачи, объяс-

няющей столько неудач последующих... Мы присутствуем здесь при зарождении русской революции. Прислушаемся к свидетелю, который далек от {8} понимания этого рокового значения эпизода, в котором лично участвует, но рассказывает о нем откровенно и правдиво.

"18 октября 1905 года мною была получена в Москве телеграмма от графа С. Ю. Витте, помеченная 16-м числом, но задержанная при передаче происходившей в то время общей забастовкой, в том числе и служащих в почт.-телеграфном ведомстве. Гр. Витте просил меня приехать немедленно в С. - Петербург. Вечером в тот же день я воспользовался единственным поездом, отправлявшимся из Москвы, и 19 был в С. - Петербурге. По приезде я вместе, с князем П. Н. Трубецким, приехавшим одновременно из Москвы, посетил кн. Алексея Дмитриевича Оболенского, человека, бывшего в то время правою, рукою графа Витте, и от него узнал о намерении графа С. Ю. Витте пригласить меня войти в состав образуемого им кабинета, и о намеченных уже изменениях в положении о выборах в Государственную Думу, высочайше утвержденном 6 августа 1905 года. В час дня я был у графа Витте, у которого застал кн. А. Д. Оболенского".

Гр. Витте предложил Д. И. Шипову занять пост государственного контролера. Ответ Д. Н. Шипова был следующий.

"Нужно, чтобы общество было уверено, {9} что старый строй государственного управления уступил бесповоротно место новому строю, возведенному 17 октября, а для создания такой уверенности необходимо привлечь в состав правительства представителей различных общественных кругов. Я принадлежал к правому крылу земского съезда в ноябре 1904 года, к его меньшинству. В настоящее время я не вхожу в состав съездов земских и городских деятелей, но не согласен с принятым ими направлением, и потому мое единоличное вступление в кабинет не может иметь значения. Я указывал на необходимость привлечь представителей большинства этих съездов, более левого направления, и говорил, что для создания атмосферы доверия желательно, чтобы общественным деятелям были предоставлены портфели министров: внутренних дел, юстиции, земледелия, народного просвещения, торговли и промышленности.

Граф Витте признавал мои соображения правильными и заметил, что он не боится людей более левого направления, но считает необходимым, чтобы общественные деятели, которые согласятся войти в состав кабинета, обладали сильной волей, серьезным отношением к государственному делу и определенно сознавали необходимость поддержания авторитета государственной власти и порядка {10} в стране в переживаемое переходное время".

Д. Н. Шипов предложил тогда Витте обратиться к бюро земских и городских деятелей, "высказав предположение", что бюро изберет для переговоров с Витте И. И. Петрункевича, С. А. Муромцева и кн. Г. Е. Львова. Он, Шипов, тут же наметил для Муромцева портфель министерства юстиции, а для двух остальных - министерства внутренних дел и земледелия. С своей стороны Витте сообщил Шипову, что имеет в виду предложить Е. Н. Трубецкому - министерство народного просвещения и А. И. Гучкову - торговли и промышленности.

(о Муромцеве, Шипове, Львове - см. дополнение в конце книги ldn-knigi)

Д. Н. Шипов опоздал с своими "предположениями". Получив телеграмму гр. Витте, Ф. А. Головин собрал экстренно бюро съездов, которое послало для переговоров Ф. Ф. Кокошкина и кн. Г. Е. Львова.

Я был в этом утреннем заседании на квартире Ф. А. Головина. И. И. Петрункевича, сколько помнится, не было в Москве: иначе он, конечно, попал бы в депутацию. С. А. Муромцев, пользовавшийся громадным уважением, не принадлежал к ядру политической группы, руководившей тогда земскими съездами. Его политическое настроение не было достаточно известно большинству: да и по личным свойствам он не мог {11} играть инициативную роль. Напротив, молодой Ф. Ф. Кокошкин уже тогда выдавался ясностью политической мысли и твердостью политического поведения. Будучи земцем, он в то же время был и интеллигентом и хорошим знатоком конституционного права. В московском кругу друзей он почти один проявлял задатки настоящего политика. Выбор Кокошкина для беседы с Витте означал, что бюро не хочет идти на компромиссные решения.

"Основные положения, выставленные депутацией, были следующие: единственный выход из переживаемого положения - созыв учредительного собрания для выработки основного закона, причем собрание это должно быть избрано путем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования: возмещенные в манифесте свободы должны быть немедленно осуществлены: необходима полная политическая амнистия. Все эти реформы неизбежны и лучше дать их сразу, чем идти к ним болезненным путем через видоизмененную Государств. Думу. - Очевидно, замечает Шипов, что такая постановка вопроса свидетельствовала о полном отсутствии сознания необходимости сохранения и поддержания авторитета государственной власти в переживаемое страной время и исключила для правительства возможность дальнейших {12} переговоров с членами бюро съезда земских и городских деятелей и привлечения его представителей к участию в государственном управлении".

Резкий отзыв Шипова об условиях, поставленных делегацией бюро съездов, показывает, как далек был не только Витте, но и сам Шипов, от притяия политической формулы, которая, в течение поколений, сделалась аксиомой для передовой русской общественности. Указывать на единственный теоретически правильный путь создания конституции для него, как и для Витте, значило подрывать авторитет государственной власти.

Так и должен был смотреть недавний принципиальный сторонник неограниченной власти монарха, ставший конституционалистом, по приказу Его Величества" после октябрьского манифеста, т.е. за пять дней до своего разговора с Витте.

Конечно, можно было смотреть на предложения бюро съездов, воспроизводившие точку зрения только что образовавшейся партии народной свободы, как на политическое доктринерство и обвинять делегацию за срыв переговоров, если бы дело шло только о принятии или отвержении формулы делегации. Но мы сейчас увидим, что дело было вовсе не так. Разграничительная грань между властью и обществом проходила не на идее {13} учредительного собрания, а на самом понятии конституции. Что касается всеобщего избирательного права, эту идею несколько недель спустя защищали сами Шипов и Гучков, как представлявшую, с их точки зрения, реальные преимущества перед куриальным представительством крестьянства.

После того как переговоры перешли от бюро съездов (т. е. будущих к. д.) к будущим октябристам, я не мог следить за ними непосредственно. Из кандидатов Витте только кн. Е. Н. Трубецкой поставил вопрос о своей кандидатуре на пост

министра (народного просвещения) на обсуждение кружка единомышленников. Трубецкой ждал от нас поощрения, чтобы принять кандидатуру. Но мнение большинства было, что нельзя давать, Витте возможности вырывать из рядов общественности отдельных лиц, пока самые основные и принципиальные вопросы, связанные с осуществлением манифеста 17 октября, были неясны. Быть может, повлияла на наше отношение и личность кн. Трубецкого, с которой трудно сочеталась мысль о высоком административном poste. Передавали слова Витте, после свидания с Трубецким: я ожидал найти кандидата в министры, а нашел какого-то Гамлета.

После неудачи переговоров с бюро, т.е. {14} с будущими кадетами, Витте снова обратился к деятелям более умеренного типа, к тому же Д. Н. Шипову и А. И. Гучкову, - к будущим октябристам.

"Тотчас после приема депутации, гр. Витте телеграфировал мне, прося немедленно приехать, и 22 октября я был в С. - Петербурге. Одновременно был приглашен приехать А. И. Гучков. Утром 22 гр. Витте сообщил мне о своей беседе с членами бюро съездов земских и городских деятелей, исключившую возможность дальнейших переговоров, сказав, что он доложил государю о согласии моем на назначение меня государственным контролером, что назначение мое состоялось и что завтра, 23, я должен представиться Его Величеству. Я выразил графу С. Ю. Витте мое удивление, что он, зная о моем согласии вступить в его кабинет лишь при известных условиях, тем не менее счел возможным теперь же доложить о моем назначении Государю; я сказал, что считаю себя обязанным изложить Его Величеству те же соображения, о которых я говорил ему, графу Витте. Граф С. Ю. Витте и присутствующий при этом разговор кн. А. Д. Оболенский, со своей стороны, удивились моему заявлению и считали мое намерение неосуществимым, так как мое назначение уже состоялось.

Я повторил, что: {15} как общественный деятель, считаю своим долгом, раз его Величеству угодно наградить меня своим доверием, откровенно высказать ему мое убеждение. После этого граф Витте обратился по телефону в Петергоф к статс-секретарю, кажется, Воеводскому, и просил его задержать указ о моем назначении впредь до моего представления Государю Императору, а меня просил по возвращении из Петергофа приехать к нему".

Получив аудиенцию, Д. П. Шипов повторил Государю те же доводы, которые приводил гр. Витте. Но так как общественные деятели указанного им типа оказались непримиримы, то он видоизменил свое предложение: "может быть, окажется возможным привлечь в состав правительства несколько лиц, пользующихся доверием различных кругов общества, и в таком случае и мое участие в кабинете могло бы иметь значение, приглашение же меня одного из среды общества, в котором я принадлежу по своим убеждениям к незначительному его меньшинству, скорее может дать нежелательные результаты".

Николай Второй нашел соображения Шипова "правильными". Начались новые совещания: на этот раз с Шиповым, Гучковым, М. А. Стаховичем и {16} Е. Н. Трубецким. Увы, обнаружились новые затруднения, перед которыми и эти общественные деятели оказались - слишком "левыми".

"Наибольшее разногласие вызвал вопрос о замещении поста министра вн. дел. Гр. Витте с самого начала высказал, что при назначении лица на этот пост нужно иметь в виду, что с министерством внутренних дел соединено заведывание

всей, как секретной, так и общей полицией, а потому необходимо, чтобы министр, вступающий в управление этим министерством в момент революции, был хорошо ознакомлен с организацией русской полиции и мог бы нести ответственность за безопасность царствующего дома и за ограждение жизни и имущества граждан. Лицами, удовлетворяющими этим требованиям, являются, по мнению гр. С-я Ю-вича, двое - Д. Ф. Трепов и П. Н. Дурново. Все участвовавшие в совещании общественные деятели горячо возражали против этих кандидатур и отмечали, что назначение этих лиц, пользующихся резко отрицательным к ним отношением широких кругов общества и тесно связанных со старым режимом, исключит возможность создания необходимого правительству доверия населения. Сознавая безусловную необходимость обеспечить безопасность царствующего дома и возложить эту ответственную {17} задачу на лицо, вполне компетентное и пользующееся доверием Государя, все члены совещания выражали желание видеть Д. Ф. Трепова на посту дворцового коменданта. Что касается замещения поста, министра внутренних дел, то общественные деятели полагали, что, при всей важности полицейских задач, им не могут быть принесены в жертву задачи внутренней политики, которые должны составлять главное содержание деятельности министерства. Существенные возражения против кандидатуры П. Н. Дурново относились не только к политической его физиономии, но и к облику его моральной личности. А. И. Гучков и я заявили решительно, что о вступлении нашем в состав кабинета не может быть и речи, если П. Н. Дурново будет предложен пост министра вн. дел".

Перед этим протестом Витте принужден был остановиться. Но он отнюдь не отказался от своей мысли. Он только принялся искать обходного пути.

"Гр. Витте пожелал узнать наше намерение о князе С. Д. Урусове сообщил, что он телеграфировал князю С. Д. приехать в С. - Петербург, так как имеет в виду предложить ему вернуться к активному участию в администрации.

При этом гр. Витте сказал, что имел {18} намерение предложить кн. Урусову должность товарища министра вн. дел и спросил, как отнеслись бы мы к кандидатуре князя на пост министра вн. дел?

Все присутствовавшие, как знавшие князя лично, так и бывшие лично с ним знакомыми, признавали, что в среде административных лиц имя князя С. Д. Урусова пользуется уважением и доверием в обществе и находили назначение его министром внутренних дел желательным. Граф Витте выражал опасение, что кн. Урусов встретит затруднения при руководстве полицейской деятельностью, т. к. он не знаком со сложной техникой охранной полиции, и, еще раз указав, какое важное значение в переживаемое время имеет правильное функционирование полицейского аппарата, признавал необходимым, чтобы, при министре князе Урусове, товарищем министра по заведыванию полицией был П. Н. Дурново. Эта комбинация всеми присутствующими была признана приемлемой, после чего наши совещания были приостановлены до приезда князя С. Д. Урусова и вечером в тот же день, т. е. 24, А. И. Гучков и я уехали в Москву".

Итак, дело улажено. Но за двое суток, которые отделяют это свидание от следующего, гр. Витте подверг терпение общественных деятелей новому испытанию:

{19} "26 утром А. И. Гучков, кн. Е. П. Трубецкой, М. А. Стахович и я отправились к гр. Витте и застали у него незадолго до нас приехавшего князя С. Д.

Урусова. Познакомив А. И. Гучкова и меня с кн. Урусовым, гр. Витте сказал, что он уже переговорил с князем, и что кн. Урусов согласен быть товарищем министра при министре П. Н. Дурново. Трудно передать, насколько это сообщение нас всех возмутило, явившись для нас вполне неожиданным после всего высказанного нами на предыдущих совещаниях. Я спросил графа Витте, зачем же он, придя к решению предоставить пост министра П. Н. Дурново, просил меня вновь приехать, имея мое категорическое заявление, что войти одновременно с этой личностью в состав кабинета я для себя не считаю возможным.

Такое же возражение было сделано А. И. Гучковым. Князь С. Д. Урусов был нашими словами очень смущен и сказал, что ему не был известен обмен мнений, происходивший на предыдущих совещаниях, и что он чувствует себя в неловком положении, согласившись быть товарищем министра при П. Н. Дурново, слыша теперь такое резкое отрицательное к нему отношение общественных деятелей. Граф Витте старался аргументировать свое решение приводимыми им ранее соображениями".

{20} Эта последняя капля переполнила чашу. Самые умеренные из общественных деятелей поняли, что их третируют, как чиновников.

"А. И. Гучков и я решили настоятельно отклонить сделанные нам предложения. Кроме обнаружившегося во время совещания отсутствия искренности и прямоты со стороны графа Витте, а также очевидной его неспособности освободиться от усвоенных им привычек и приемов бюрократического строя, мы имели в виду следующие соображения. Наше вступление в кабинет могло бы иметь значение в том случае, если бы одновременно с нами вошли представители большинства съездов земских и городских деятелей, объединившихся в партии народной свободы, и если бы общественным представителям было предоставлено в кабинет достаточное число мест, обеспечивающее их влияние на государственное управление. Вступление же нас двоих в кабинет, состоящий из представителей бюрократии, чуждых пониманию справедливых общественных запросов, не могло обеспечить общественного доверия и принести пользу положению дела.

В то же время манифест 17-го октября, призывавший общество к новой политической жизни, вызывал необходимость политической группировки общественных элементов, и мы считали своей {21} обязанностью содействовать объединению лиц, принадлежавших к меньшинству земских съездов, в политическую партию ("октябристов"). Эти мотивы нашего отрицательного ответа на сделанное нам предложение мы условились сообщить графу Витте, и с этим решением вечером вновь его посетили".

Переговорам суждено было закончиться комическим эпилогом, который Д. Н. Шипов и сообщает в заключение своего рассказа о неудавшемся кабинете общественных деятелей:

"Поднимаясь по лестнице в помещение, занимаемое графом Витте на Дворцовой Набережной, рядом с Зимним Дворцом, мы увидели неизвестную нам личность в вицмундирном фраке. Встретивши нас в кабинет, граф Витте извинился, что должен покинуть нас на некоторое время, чтобы принять пришедшего к нему с докладом Рачковского. Возвратясь в скором времени, гр. Витте имел встревоженный вид и сказал нам, что от кандидатуры П. Н. Дурново, может быть, придется отказаться. Рачковский сообщил, что в распоряжении многих редакций

имеется различный материал из прошлой деятельности П. Н. Дурново, разоблачающий его личность, и что, в случае его назначения, материал этот будет немедленно опубликован, не {22} исключая и известной резолюции Императора Александра III: "убрать этого м.....а в 24 часа".

А. И. Гучков высказал удивление, что то, чего не могли достигнуть доводы общественных деятелей, оказывается возможным из опасения скандала. Гр. Витте после этого замечания опять стал говорить о необходимости назначения П. И. Дурново, "а относительно угроз редакции, могут быть, сказал он, - приняты меры". Я заявил гр. Витте, что мы, независимо от того, будет или нет П. И. Дурново министром внутренних дел, во всяком случае не считаем в настоящее время возможным вступить в состав образуемого им кабинета и изложил соображения, побуждающие нас к такому решению. Граф С. Ю., выразив нам свое сожаление, просил нас изложить письменно мотивы нашего отказа, чтобы он мог их огласить".

После перерыва переговоров с Шиповым и Гучковым, Витте обращался и к другим общественным деятелям, но уже не с предложением портфелей, а для личного совета. Так, он обратился к И. В. Гессену и ко мне.

Я нашел Витте на Дворцовой набережной, в кабинете внизу. Я видел его в первый раз. В нескладно скроенной долговязой фигуре, в его жестах и всем обращении {23} было что-то, располагавшее говорить с ним не как с простым бюрократом. Я приходил не в качестве делегата, кем-либо уполномоченного, а в качестве частного лица, совета которого просил высший представитель власти, в момент, когда решалось направление, которое должна принять русская история. И на поставленный мне сразу вопрос Витте: что делать, я решил ответить по совести и по личному убеждению, не связывая себя общепринятыми политическими формулами моих единомышленников. Я хотел свести спор с академическими высот в сферу реальной действительности.

Если бы я выражал мнение партии, ответил я Витте, то я повторил бы то же, что сказал вам Кокошкин. Но я понимаю, что для вас это мнение не может иметь той силы, как для нас, и что положение слишком сложно, чтобы применять теоретически правильные советы во всей чистоте. Несомненно, что если бы мы пошли к конституции через такие пять стадий, как выборы в учредительное собрание, совещания учредительного собрания, утверждение и опубликование выработанной им конституции, выборы в законодательное собрание и, наконец, само это законодательное собрание, то по пути могло бы случиться столько боковых толчков и справа, и слева, что я {24} не знаю, дошли ли бы мы до конца. А потому, на вашем месте, я выбрал бы кратчайшую дорогу - если бы, конечно, ваша цель, конституция, была бы окончательно установлена. Я не начинал бы с составления кабинета общественных деятелей. Общественные деятели, популярные в стране, к вам теперь не пойдут, потому что вам - и правительству вообще - никто не верит. Приобретите сперва право на доверие, доказавши серьезность своих намерений. Для этого составьте в спешном порядке деловой кабинет из приличных людей, возьмите для этого товарищей министров...

В этом месте разговора Витте вдруг вскочил, протянул мне свою длинную руку, и, потрясая мою, которую я подал ему с некоторым недоумением, воскликнул: вот, наконец, я слышу первое здравое слово. Я так и решил сделать.

Я продолжал: я не знаю тех полномочий, которыми вы располагаете. Если

верить слухам, боюсь, что они недостаточны (я говорил об этом со слов моего французского приятеля, Поля Бойе, посетившего перед этим Витте и в этом убедившегося). Но если они достаточны, произнесите слово: конституция. Опять-таки для ускорения и для упрощения дела, позовите сегодня кого-нибудь и велите перевести на русский язык {25} бельгийскую или, еще лучше, болгарскую конституцию, завтра поднесите ее царю для подписи и послезавтра опубликуйте. Это будет конституция октроированная, и вас будут бранить за такой образ действий, но потом успокоятся, и все войдет в норму. Нельзя говорить, что мы, русские, недоросли до этого, раз я вам ссылаюсь на такую страну, как Болгария, оттуда я недавно приехал.

Одушевление Витте прошло. Он ответил мне просто и ясно: я этого не могу, я не могу говорить о конституции, потому что царь этого не хочет. Я так же просто сказал ему: тогда нам не о чем разговаривать, и я не могу подать вам никакого дельного совета.

{26}

ПЕРВАЯ ПОПЫТКА ПАРЛАМЕНТАРНОГО КАБИНЕТА

I.

Второй эпизод из записок Д. Н. Шипова, бросает новый свет на попытку переговоров о парламентарном кабинете, сделанную незадолго до роспуска Государственной Думы. В этих переговорах участвовал и пишущий эти строки. Сравнивая мои тогдашние наблюдения с показаниями Шипова, я нахожу в них подтверждение того, что думал и раньше. Было два центра переговоров о кабинете думского большинства. Первый был при дворе; второй - в министерств. Только первая инициатива, принадлежавшая Трепову, была серьезна. Прямое обращение ко мне Трепова и было началом переговоров. Наше свидание, о котором я рассказал подробно в "Речи", было секретное, и некоторое время тайна его сохранялась. Я догадываюсь, что именно результатом нашей беседы была передача дальнейших переговоров в руки нескольких {27} министров. Из них некоторые, видимо, тоже были добросовестно заинтересованы в успехах плана, который спасал Думу от роспуска, а Россию - от риска революционного исхода. К таким я отношу А. С. Ермолова, который сам мне говорил, что беседует со мной по поручению государя, и свидание с которым было устроено у С. А. Муромцева. Вероятно, искренно относился к плану и А. П. Извольский, присутствовавший при моей беседе с П. А. Столыпиным и рассказавший в своих воспоминаниях, как мы вместе возвращались с Аптекарского острова в белую петроградскую ночь.

Но самого П. А. Столыпина я считаю злейшим врагом парламентарного министерства, преследовавшим с самого начала цель - расстроить комбинацию, в которой для него самого не находилось места. И это мое впечатление находит себе полное подтверждение в записках Шипова.

Вот как передает Шипов свою беседу с Н. Н. Львовым 26 июня 1906 г. по поводу, того, что именно заставило П. А. Столыпина обратиться к нему, Шипову.

"Все более и более обостряющиеся отношения между правительством и Гос. Думой и вызывающее, положение, занимаемое последней, говорил Н. Н. Львов, приводят П. А. Столыпина к убеждению в {28} необходимости роспуска Думы. Но, приходя к такому заключению, П. А. Столыпин оценивает все значение